

herzog von Babenberg

Мировая интеллектуальная история

herzog von Babenberg

Мировая интеллектуальная история

«Издательские решения»

herzog von Babenberg

Мировая интеллектуальная история / herzog von Babenberg — «Издательские решения»,

Как идеи меняют мир и что происходит с ними при встрече культур? Книга исследует историю мысли от древних письменных традиций до цифровых архивов. Философские споры, научные открытия раскрывают труд людей, благодаря которым знание сохраняется, оспаривается и получает продолжение. В центре исследования — отношения между формой идеи, её адресатом и способом доказательства. Исторические сопоставления позволяют увидеть, какие условия помогают обществу сохранять способность мыслить.

© herzog von Babenberg
© Издательские решения

Содержание

Аннотация 6
Об аппарате издания 7
Содержание 8
1.2 Контекст и действие автора 14
1.5 Канон и различие масштабов 20
1.6 Что устанавливает критический обзор 22
2. Контекст, понятия и практики интерпретации 24
2.3 Перевод и власть устанавливать соответствие 28
2.5 Свидетельство и условия его сохранения 32
2.6 От сходства к доказательству связи 34
3. Мировой масштаб и источники исследования 36
3.1 Мир как масштаб и предмет 37
3.2 Универсальное без единственного центра 39
3.3 Посредники и несинхронные языки 41
3.4 Что сохраняет неравный архив 43
3.5 Общие даты и различные времена 45
3.6 Корпус сопоставлений и предел вывода 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Мировая интеллектуальная история

herzog von Babenberg

© herzog von Babenberg, 2026

ISBN 978-5-0071-7703-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зигфрид Бабенберг
Мировая интеллектуальная история
Предмет, методы и исторические формы мысли
Научная монография
2026

Аннотация

Монография посвящена предмету и методам мировой интеллектуальной истории. Критический обзор исследований соединён с анализом опубликованных источников — от древних письменных практик до цифровых корпусов. На материале философских, правовых, научных и политических текстов рассматриваются перевод, способы доказательства, признание авторитета и изменение круга участников обсуждения. Предложено раздельно анализировать формулировку идеи, её адресата и процедуру обоснования. Такое различение применяется к случаям преемственности, переосмысления и разрыва. Обсуждаются результаты, границы корпуса и возможности дальнейшего исследования.

Ключевые слова: интеллектуальная история, история идей, история понятий, перевод, аргументация, канон, деколонизация, цифровые источники.

Abstract

This monograph examines the subject and methods of global intellectual history. A critical literature review is combined with comparative readings of published sources, from ancient written practices to digital corpora. The analysis distinguishes changes in the formulation of an idea, its intended and authorized audiences, and the procedures used to justify it. Cases involving philosophical argument, legal authority, translation, political declarations, science and decolonization show how these dimensions may follow different trajectories. The conclusion discusses the scope and limitations of the comparison and identifies questions for further research.

Keywords: intellectual history, history of ideas, conceptual history, translation, argument, canon, decolonization, digital sources.

Об аппарате издания

Номера в квадратных скобках отсылают к единой библиографии. Страницы и канонические деления уточняют место в использованной версии источника. Надстрочные номера относятся к разделу «Примечания». Электронные адреса и DOI напечатаны без активных гиперссылок. Указатели охватывают основной текст; библиография и приложения в них не включены. Рукопись подготовлена в ноябре 2026 года.

Содержание

Введение. Как исследовать историю мысли в мировом масштабе 5
1. История идей и предмет интеллектуальной истории 8
1.1 Почему история мысли не совпадает с историей истин 8
1.2 Контекст и действие автора 10
1.3 Порядок знания и социальное положение мысли 12
1.4 Книга как участник интеллектуального события 14
1.5 Канон и различие масштабов 16
1.6 Что устанавливает критический обзор 17
2. Контекст, понятия и практики интерпретации 19
2.1 Что делает текст и кому принадлежит действие 19
2.2 Понятие между старым порядком и ещё не существующим будущим 21
2.3 Перевод и власть устанавливать соответствие 22
2.4 Какой именно текст мы читаем 25
2.5 Свидетельство и условия его сохранения 26
2.6 От сходства к доказательству связи 28
3. Мировой масштаб и источники исследования 30
3.1 Мир как масштаб и предмет 30
3.2 Универсальное без единственного центра 31
3.3 Посредники и несинхронные языки 33
3.4 Что сохраняет неравный архив 35
3.5 Общие даты и различные времена 37
3.6 Корпус сопоставлений и предел вывода 38
4. Письменность, политический порядок и античная аргументация 41
4.1 Список как устройство мысли 41
4.2 Царская справедливость и условное высказывание 43
4.3 Египетское наставление и искусство слушать 44
4.4 Диалог против самостоятельности текста 46
4.5 Доказательство и его предпосылки 48
4.6 Римский перевод и юридическое различение 50
5. Южная и Восточная Азия в истории мысли 52
5.1 Рассуждение перед другим 52
5.2 Недоверие без произвола 53
5.3 Ашока и управление различиями 55
5.4 Образование суждения в «Лунь юе» 57
5.5 Моистские меры и спор о правильном учении 59
5.6 Перевод как создание нового читателя 61
6. Средневековые миры знания 63
6.1 Перевод и новое назначение знания 63
6.2 Необходимость причины и право философствовать 65
6.3 Маймонид и читатель между двумя обязательствами 67
6.4 Университет и распределение допустимых вопросов 68
6.5 Эфиопское перенесение священной истории 70
6.6 Тимбукту и неодинаковая глубина рукописной памяти 72
7. Раннее Новое время и пересборка мира 74
7.1 Кому предназначена напечатанная истина 74
7.2 Монтень: чужой взгляд внутри европейского текста 76

7.3 Гуаман Пома: обращение, которое создаёт своего собеседника 77
7.4 Китайско-иезуитская встреча: что переводят вместе со словами 80
7.5 Бэкон и Гук: как предъявляют основания знания 81
7.6 Несовпадающие перемены 83
8. Просвещение и пределы всеобщности 85
8.1 Публика, перед которой рассуждают 85
8.2 Законодатель и путешественник: два русских адреса Просвещения 86
8.3 Декларация и тот, кто вправе ею воспользоваться 88
8.4 Де Гуж и Уолстонкрафт: кто определяет человеческое 90
8.5 Гаити: свобода как независимость и её новая граница 92
8.6 Всеобщее требование после смены говорящего 94
9. Империи, переводы и антиколониальная мысль 96
9.1 Индийский автор проверяет обещание империи 96
9.2 Янь Фу: можно ли отделить средство от порядка знания 97
9.3 Фукудзава: равенство рождения и неравенство учения 99
9.4 Тахтави и Гюльханейский указ: перевод справедливости 101
9.5 Боливар и Марти: кого включает «наша Америка» 103
9.6 Ганди: перемена цели и средства 105
10. Знание в век массовой политики 107
10.1 Публика, которая не видит целого 107
10.2 Организация как способ мыслить 108
10.3 Наука становится общественным проектом 111
10.4 Когда происхождение превращают в доказательство 113
10.5 Всеобщность после катастрофы 115
10.6 Учёный перед мировой аудиторией 116
11. Деколонизация и множественность интеллектуальных субъектов 118
11.1 Из предмета обсуждения — в автора вопроса 118
11.2 Цивилизация под перекрёстным допросом 119
11.3 Бандунг: общий голос без единой доктрины 121
11.4 На каком языке возникает собственный вопрос 123
11.5 Кто скрыт внутри слова «человек» 126
11.6 Можно ли услышать голос в архиве 127
12. Цифровая среда и изменение исторического знания 129
12.1 Архив, который можно пересобрать 129
12.2 Миллионы книг и несколько значений слова «влияние» 130
12.3 Ошибка, которая решает, что будет найдено 132
12.4 Что доказывает карта идей 134
12.5 Язык, для которого ещё нет инструмента 136
12.6 От найденного документа к готовому ответу 138
Заключение. Что меняется, когда мысль получает продолжение 140
Приложения 144

1 Протокол анализа опубликованного источника 144
2 Сравнительная матрица 144
3 Выборочная хронология 146
Примечания 148
Источники и исследовательская литература 149
Именной указатель 160
Предметный указатель 163

Введение. Как исследовать историю мысли в мировом масштабе

Историк открывает трактат и обнаруживает знакомое слово: природа, свобода, разум, справедливость. Кажется, что разговор уже начался и остаётся установить, насколько убедительно прежний автор ответил на наш вопрос. Но документ может сопротивляться этому чтению. Его адресат ожидал другого, спор касался иной обязанности, а слово, которое мы узнаём, делило мир по непривычному нам признаку. Первое движение интеллектуальной истории состоит в том, чтобы задержаться перед этой трудностью. Из неё вырастает вопрос о том, каким образом люди делали свои утверждения понятными, убедительными и обязательными для других.

Мировой масштаб увеличивает трудность. Между текстами лежат переводы, завоевания, школьные программы, утраченные рукописи, перемещения учителей и изменения читательской среды. Одни связи можно восстановить по документам. Другие лишь предполагаются из сходства. Иногда тексты, разделённые веками и не имевшие исторического контакта, полезно сравнить, поскольку они по-разному решают сходную задачу. Однако такое сравнение не даёт права объявить их звеньями одной преемственности. Книга построена вокруг различения этих исследовательских ситуаций.

Её объект — интеллектуальная деятельность, оставившая доступные историческому исследованию следы. Предмет уже: изменения способов постановки вопросов, обоснования утверждений и признания права участвовать в обсуждении. Под интеллектуальной деятельностью здесь понимается работа с различениями, доводами, правилами объяснения и формами передачи знания. Она может происходить в философском трактате, юридическом документе, математическом доказательстве, письме, политической декларации или устройстве исследовательского корпуса. Определение ориентировано на действие и его следы; принадлежность автора к признанному кругу мыслителей сама по себе ничего не решает.

Цель исследования — выяснить, какие различия необходимо учитывать, чтобы сопоставлять интеллектуальные изменения в неодинаковых обществах и не превращать мировую историю в проекцию одной традиции. Для этого решаются четыре связанные задачи. Сначала рассматриваются конкурирующие представления о предмете интеллектуальной истории и о доказательности интерпретации. Затем устанавливаются условия перехода от локального чтения к сравнению и исследованию связей. На историческом материале проверяется различение между изменением формулировки, изменением адресата и изменением процедуры обоснования. Наконец, оценивается, что цифровые источники и вычислительные методы добавляют к этой работе и какие ошибки возникают при их использовании.

Литературный обзор занимает первые три главы. Он организован по исследовательским проблемам: единица анализа, контекст, интерпретация действия, материальная передача, масштаб и устройство источников. Хронологическая смена школ не принимается за последовательное устранение ошибок. У разных направлений остаются собственные сильные вопросы. Контекстуальное чтение объясняет, что делал автор своим высказыванием; история понятий помогает увидеть изменения смысловых различий; история книги восстанавливает условия встречи текста с читателем; исследования переводов и связанных историй позволяют проследить преобразование знания между средами. Их результаты приходится согласовывать в конкретном разборе, а не объединять декларацией о междисциплинарности.

Обзор имеет критический и проблемный характер. Это не библиометрическое обследование дисциплины и не систематический обзор, основанный на исчерпывающей выдаче одной базы данных. В него включены работы, представляющие значимые для поставленного вопроса позиции, и исследования, необходимые для проверки избранных случаев. Электронные публикации позволяют обратиться к источникам, но различаются по полноте. При работе с источниками разграничивались полный текст, доступный фрагмент, аннотация и сведения об издании.

По аннотации устанавливаются заявленная проблема и направление аргумента; подробные выводы о содержании книги на этом основании не делаются. Такое ограничение особенно существенно для крупных исследований, доступных лишь частично.

Источниковый корпус включает опубликованные тексты и их научные либо институциональные электронные воспроизведения. В нём представлены памятники древней письменной культуры, философские и религиозные сочинения, университетские установления, печатные предисловия, политические декларации, колониальные и антиколониальные обращения, документы научной политики, статьи об анализе цифровых коллекций. Отбор подчинён возможности поставить к материалу определённый вопрос и проверить ответ по доступному месту. Поэтому рассматриваемые эпизоды не образуют статистически репрезентативной выборки всех интеллектуальных культур.

Хронологическое движение начинается с древних письменных практик и доходит до современных цифровых исследовательских сред. Этот порядок служит навигации. Он не означает, что устность сменяется письмом, письмо — печатью, а печать — вычислением так, будто прежняя форма каждый раз исчезает. В исторических главах прослеживается сосуществование способов передачи и обоснования. Географический охват включает отдельные материалы Европы, России, Южной и Восточной Азии, исламских обществ, Африки и Америк. Многие регионы и языковые традиции представлены недостаточно или остаются вне корпуса. Мировой характер работы определяется сопоставлением неодинаковых интеллектуальных порядков и изучением связей между ними; притязания на равномерное описание всей планеты здесь нет.

Исследование ведётся преимущественно по опубликованным переводам. Там, где разбор зависит от отдельного слова, учитываются доступные сведения об оригинальном термине и редакции текста. Перевод не используется как прозрачная замена первоисточника. Автор настоящей книги не заявляет о проведённом архивном поиске или самостоятельной филологической проверке всех языковых версий. Ограничение определяет уровень выводов: сопоставляются документированные формы аргументации и обращения, а не устанавливаются неизвестные прежде варианты древних памятников.

Рабочая концепция строится на трёх аналитических измерениях. Первое — формула: какие слова, различения и последовательности доводов предъявлены в источнике. Второе — адресат: к кому обращается текст и кого он допускает к роли судьи, участника либо носителя права. Третье — процедура обоснования: какое действие должно превратить высказанное утверждение в принимаемое знание, действующее правило или заслуживающее ответа требование. Это может быть доказательство, свидетельство, толкование авторитетного текста, компетентное обсуждение или политическое решение. Различение не устанавливает равноценности этих процедур и не отменяет вопроса об истинности. Оно помогает выяснить, что именно изменилось в исследуемой ситуации.

Предположение, проверяемое в исторических главах, состоит в несовпадении траекторий этих изменений. Новая аудитория может получить старый текст без заметной переработки его формул, но с другим правом толковать прочитанное. Универсальная декларация может расширить язык требований, сохранив исключения из политического участия. Перевод может изменить терминологию, сохранив предмет разногласия; иногда он создаёт условия для постановки другого вопроса. Отсюда следует задача: обнаруживать не только преобразования, но и сохранение прежних отношений там, где речь о новизне была бы особенно соблазнительна.

Предлагаемый вклад заключается в последовательном применении этого различения к разнородному корпусу и в сопоставлении полученных ограниченных результатов. Утверждения о приоритете самой схемы или об обнаружении универсального закона интеллектуального развития не выдвигаются. Исследовательская самостоятельность проявляется в постановке сравнительных вопросов, выборе оснований сопоставления, работе с возражениями и разграничении того, что установлено документом, от того, что остаётся интерпретацией. Ито-

говая матрица делает эти переходы обозримыми и позволяет оспаривать отдельные выводы без отказа от всей конструкции.

Книга рассчитана на последовательное чтение, но её исторические главы имеют и самостоятельные задачи. После обзора методов рассматриваются письменность и аргументация древнего мира, несколько азиатских традиций, средневековые режимы знания, раннее Новое время, Просвещение, империи и антиколониальная мысль, массовая политика, деколонизация и цифровая среда. В заключении обсуждаются результаты сравнения. Приложения содержат протокол анализа, матрицу случаев и выборочную хронологию; библиография разделяет источники и исследовательскую литературу. Указатели отсылают к страницам основного текста.

За этой исследовательской работой сохраняется вопрос, из которого нередко начинается интерес к истории мысли: почему в определённом месте становится возможным выдающееся достижение? Биография позволяет приблизиться к отдельному человеку, но сама возможность продолжения его работы зависит от других. Нужны читатели, умеющие распознать поставленный вопрос, средства проверки, способы сохранения результата и право возразить. Интеллектуальная история исследует эти отношения в их изменчивости. Она помогает точнее судить об условиях творчества, не обещая превратить их в рецепт производства гениев или в гарантию необратимого прогресса.

1. История идей и предмет интеллектуальной истории

1.1 Почему история мысли не совпадает с историей истин

Историк встречается с мыслью в тот момент, когда она уже оставила след. Перед ним письмо, трактат, запись беседы, рукопись с исправлениями, школьное упражнение или печатная полемика. Из этих следов необходимо восстановить действие, которое некогда имело смысл для его участников. Человек мог защищать учителя, уточнять правило, искать покровителя, возражать судье, объяснять устройство небес или сообщать о пережитом. Ни одна из этих задач не обязана совпадать с вопросом, ради которого позднейший исследователь открыл документ. С этого несовпадения вопросов начинается интеллектуальная история.

Обычный рассказ о развитии знания предлагает понятную последовательность: заблуждение исправляется, удачное объяснение сохраняется, последующее поколение получает более совершенную картину. В некоторых областях такой рассказ позволяет описать действительное накопление результатов. Однако он оставляет за пределами рассмотрения значительную часть интеллектуального опыта. Проигравший спор мог изменить язык победителя. Отвергнутое доказательство могло установить требование, которому затем подчинились другие доказательства. Учение, признанное неверным, могло организовать школу, переписку и способы наблюдения. Историческое действие мысли поэтому шире её места в современном учебнике.

Различие особенно заметно при переходе от результата к вопросу. Можно признать объяснение ошибочным и всё же обнаружить в нём разумную попытку справиться с затруднением, которое современники действительно испытывали. Если прежний вопрос исчез, старое решение покажется произвольным. Если вопрос восстановлен, решение становится понятным, хотя не обязательно убедительным. Историческое понимание здесь совместимо с критикой. Оно требует от критики дополнительной работы: указать, какие средства были доступны участнику, какие основания он признавал и в каком месте его вывод переставал следовать из них.

Одну из влиятельных программ исследования длительной жизни идей предложил Артур Лавджой. В книге «Великая цепь бытия», впервые вышедшей в 1936 году, он рассматривал устойчивые смысловые элементы, которые переходили между философией, богословием и другими областями культуры, образуя разные сочетания. Уже устройство книги показывает, что история одной идеи может пересекать дисциплинарные границы и охватывать столетия. Её предметом становится судьба интеллектуального состава, который нельзя приписать только одному автору или учению [104].

Преимущество такого выбора очевидно, если спросить, почему близкие предпосылки появляются в очень разных рассуждениях. Историк отдельных систем мог бы каждый раз начинать описание заново. История идей позволяет заметить повторное использование материала и исследовать его подвижность. Она также ослабляет привычку представлять великого автора единственным источником всего, что найдено в его сочинении. Оригинальность становится вопросом о работе с унаследованными различиями, а не обязательным свидетельством происхождения мысли из ничего.

Но выделение устойчивого элемента создаёт трудность для самого историка. По какому признаку он решает, что перед ним та же идея? Совпадение слова недостаточно: слово меняет значение. Совпадение определения тоже не завершает проверку: определение может обслуживать разные действия. Наконец, сходный вывод иногда получается из несовместимых оснований. Если исследователь сначала соберёт материалы под общим именем, а затем обнаружит их единство, возникает риск принять собственную классификацию за исторический факт.

Эту трудность можно представить на материале любого понятия с длительной жизнью, например свободы. Свободным называют человека, который не принадлежит хозяину; общину, не подчинённую внешнему правителю; волю, не определяемую принуждением; участника публичного спора; торговлю, освобождённую от определённых ограничений. Между этими употреблениями возможны связи, но их нельзя заменить общей положительной оценкой свободы. Исследование должно установить, кто именно свободен, от чего он освобождён, перед кем отвечает и каким способом это положение подтверждается. Тогда различия перестают выглядеть второстепенными оттенками вечного содержания.

Поэтому длительность идеи лучше понимать как проблему, которую следует решить, а не как исходную гарантию. Историк вправе проследить мотив через несколько эпох, если он показывает работу передачи: чтение, перевод, цитирование, учебную практику, полемическое заимствование. Он также вправе сопоставить независимые решения, когда связь между ними не установлена. Эти операции имеют разный смысл. В первом случае объясняется преемственность, во втором выясняются сходства и различия способов рассуждать. Превращение сопоставления в рассказ о влиянии добавляет утверждение, для которого нужны самостоятельные свидетельства.

Равным образом нельзя измерять историческую значимость только соответствием современному знанию. Такое измерение меняет состав видимого прошлого. В центре оказываются предшественники нынешней позиции, а все остальные служат её фоном. Между тем историческое исследование особенно продуктивно там, где участники не знали будущего победителя. Оно возвращает неопределённость, в которой утверждение ещё требовало обоснования, а выбор ещё мог завершиться иначе. Это позволяет увидеть цену результата и те возможности, которые были закрыты его утверждением.

Восстановление неопределённости позволяет точнее оценить и доказательство, и последствия его принятия. Если же оценка заранее определяет реконструкцию, прошлое лишь подтверждает решение исследователя. Критический вопрос тогда исчезает ещё до встречи с источником.

Ретроспективный отбор проверенных результатов и исследование интеллектуального действия выполняют разные задачи. Интеллектуальная история выясняет также, как складывались способы проверки, кто получал возможность предъявить результат и почему определённый вопрос становился общим делом. Это позволяет рассматривать общества, чьи достижения не вошли в современный дисциплинарный канон, не принимая такое отсутствие за отсутствие знания.

1.2 Контекст и действие автора

Требование вернуть тексту историческую ситуацию особенно последовательно сформулировал Квентин Скиннер. В статье «Значение и понимание в истории идей», опубликованной в 1969 году и существенно переработанной для «Видений политики» в 2002 году, он поставил под сомнение чтение классических сочинений как ответов на неизменный набор вечных вопросов. Такое чтение приписывает автору интересы, систематичность и место в будущей традиции, которые могли отсутствовать в его собственной ситуации. Контекстуальное исследование обращается к тому, что автор совершал посредством высказывания в доступном ему языке [122].[1]

Здесь меняется сама единица исследования. Трактат перестаёт быть только вместилищем тезисов. Он оказывается поступком среди других поступков: поддерживает позицию, исправляет распространённое толкование, оспаривает право оппонента, придаёт необычному предложению привычную форму. Чтобы понять этот поступок, необходимо знать, какие высказывания были возможны и какие ожидания сопровождали их произнесение. Одно и то же предложение может служить оправданием, предупреждением или насмешкой. Его словарного значения недостаточно, чтобы выбрать между этими действиями.

Из этого не следует, что историк должен угадать скрытое психологическое состояние автора. Между переживанием и публичным действием существует различие. Человек мог испытывать страх и одновременно составлять юридически точное возражение. Страх объясняет часть его положения, но не заменяет значения возражения. Анализ намерения становится исторически проверяемым, когда связывается с формой документа, кругом адресатов, правилами полемики и доступными ответами. Воображаемая внутренняя речь участника не может выполнять ту же доказательную функцию.

Джон Покок в предисловии к «Политической мысли и истории» обозначил ещё одно направление движения: от выяснения того, что автор делал, к вопросу о том, что в результате оказалось сделано. Высказывание входит в отношения с читателями, которые отвечают на него, переопределяют его и тем самым меняют положение исходного автора. История политических языков включает этот последующий обмен, а не заканчивается восстановлением первоначального замысла [116].

Различие между действием и результатом позволяет избежать двух противоположных сокращений. Если смысл полностью закреплён за первоначальным автором, позднейшее чтение будет выглядеть цепью искажений. Если смысл целиком принадлежит читателю, исчезнет возможность установить, что именно было преобразовано. Историк может удержать обе стороны, рассматривая каждое чтение как отдельное событие с собственным материалом и основаниями. Первое употребление сохраняет историческую определённость, но не получает права заранее исчерпать всю последующую жизнь текста.

Особенно важны ситуации, когда автор сам использует чужой язык для новой задачи. Он не обязан объявлять о разрыве с традицией. Напротив, новая позиция нередко нуждается в знакомом словаре, чтобы быть услышанной. Поэтому наличие традиционной формулы ещё не свидетельствует о сохранении прежнего действия. Необходимо выяснить, кому формула теперь адресована и какое право она позволяет предъявить. В дальнейшем это различение окажется существенным при чтении деклараций, колониальных обращений и переводов политических понятий.

Однако контекст нельзя превратить в бесконечное окружение, которое объясняет всё и потому ничего определённого. Рядом с каждым документом находятся другие документы, социальные отношения, учреждения и события. Их количество практически неограниченно. Исследователь выбирает релевантный контекст на основании вопроса: какие свидетельства

помогают различить возможные толкования данного действия? Факт принадлежности автора к эпохе слишком широк. Конкретный спор, известная ему редакция текста или положение адресата могут оказаться гораздо более точными основаниями.

В этом месте возникает опасность кругового доказательства. Историк предполагает, что сочинение принадлежит определённой полемике, подбирает под него соответствующие документы и затем подтверждает первоначальное предположение совпадением словаря. Чтобы разорвать круг, требуется искать признаки, которые могли бы опровергнуть выбранное чтение. Был ли предполагаемый текст доступен автору? Употребляли ли те же слова его противники? Не объясняет ли обнаруженное совпадение общая школьная подготовка? Может ли документ иметь другого адресата? Контекстуальная интерпретация становится сильнее, когда выдерживает такие проверки.

Марк Бивир оспаривал чрезмерное ослабление интереса к связности авторских убеждений. В статье «Разум и метод в истории идей» он защищал исходную презумпцию некоторой связности: приписывая человеку убеждения, историк должен попытаться понять, как они соотносятся между собой. Это не требование превратить всякого автора в безупречного систематика. Бивир различает предположение, необходимое для интерпретации, и утверждение, будто реальные убеждения всегда образуют непротиворечивое целое [71].

Спор полезен тем, что обнаруживает два разных вида искусственного упорядочения. Можно навязать тексту единство, которого в нём нет, и объяснять всякое противоречие слишком хитрой реконструкцией. Но можно также заранее объявить любое напряжение эффектом разных языков и прекратить исследование авторского выбора. Во втором случае историк лишает участника способности замечать собственные противоречия. Оба решения экономят работу за счёт предмета. Сначала нужно установить, действительно ли два положения несовместимы, затем выяснить, относились ли они к одной ситуации и изменялась ли позиция со временем.

Критика самого Бивира показывает, что методологический спор не сводится к выбору одной окончательной школы. Роберт Стерн ставил под вопрос отдельные основания его слабого интенционализма и приоритета искренних, сознательных, рациональных убеждений [123]. Для исторического исследования здесь важен практический вопрос: на каком основании мы считаем произнесённое собственным убеждением говорящего? Дипломатический документ, исповедальное письмо и сатирическое сочинение дают на него разные ответы. Предположение об искренности не может работать одинаково для всех жанров.

Позднейшие обсуждения Скиннера также возвращают его метод в историческую ситуацию. Адриан Блау, сопоставляя версии программного текста и материалы его подготовки, показывает, что само методологическое высказывание имеет историю изменений [72]. Этот поворот принципиален для научного обзора. Основателя направления следует читать теми же средствами, которые направление предлагает для чтения прошлого. Иначе его метод окажется исключением из собственного требования историчности и превратится в догму, защищённую именем автора.

Для нашей работы контекстуальная традиция устанавливает требование доказуемой соотнесённости текста с действием. При этом история действия продолжается за пределами авторского контроля. Мы различаем замысел, доступное публичное значение и последующие употребления. Эти различия не устраняют неопределённость каждого конкретного случая, но делают её локальной: можно сказать, что именно установлено, какой переход остаётся вероятным и для какого вывода недостаёт свидетельств.

1.3 Порядок знания и социальное положение мысли

Исторический автор действует в мире, где уже распределены права на высказывание. Одним людям позволено учить, другим задавать вопросы, третьим свидетельствовать только через посредника. Существуют формы речи, которым доверяют заранее, и формы, требующие

дополнительного оправдания. Это распределение не всегда совпадает с формальной властью. Уважаемый комментатор может не занимать должности, а обладатель должности может нуждаться в авторитете переводчика или врача. Интеллектуальная история должна исследовать, как складываются и меняются такие отношения признания.

Во введении к «Археологии знания» Мишель Фуко сопоставляет новые способы исторической работы с прежней привычкой искать непрерывность больших целых. Его интерес направлен на выделение серий, уровней и разрывов, а также на правила, по которым документы получают статус свидетельств определённого порядка. Для истории мысли это означает возможность поставить вопрос о том, что делает некоторые высказывания совместимыми, допустимыми и относящимися к одному предмету, ещё до их объединения именем великого автора [89].

Такой вопрос меняет работу с архивом. Историк не только ищет удачное высказывание об уже знакомом предмете. Он выясняет, каким образом предмет стал различим. Например, необходимо отделять давнее существование человеческого страдания от появления особой категории, под которую его подводят. Категория соединяет наблюдения, распределяет компетенции, устанавливает порядок описания. Она может сделать опыт видимым для помощи и одновременно подчинить его контролю. Обе стороны требуют исследования; заранее объявить классификацию освобождением или насилием значит лишить анализ одного из его вопросов.

При этом понятие порядка знания легко использовать слишком широко. Если любое высказывание объясняется действием дискурса, индивидуальные решения становятся только подтверждениями общей схемы. Тогда теория утрачивает чувствительность к разногласиям внутри одной среды. Исследователь должен показать, какие именно правила действовали и как они обнаруживаются в документах: в способах допускать свидетельства, в формах экзамена, в требованиях к доказательству, в порядке исправления текста. Общая ссылка на эпоху или власть не заменяет описания этих операций.

Не менее важна историческая изменчивость самих правил. Иногда новое утверждение появляется внутри старой процедуры и постепенно заставляет её перестроиться. В другом случае учреждение меняет порядок проверки раньше, чем меняются основные положения учения. В третьем случае словарь обновляется, а право определять допустимый ответ остаётся у прежних участников. Эти несовпадения мешают описывать интеллектуальное изменение как единовременную смену всей картины мира. Для объяснения приходится устанавливать последовательность разных преобразований.

Социология культуры позволяет рассмотреть ту же проблему со стороны положения участников. Пьер Бурдьё в работе о международном обращении идей обращает внимание на то, что тексты перемещаются между полями, не перенося автоматически условия своего первоначального производства. Отбор для перевода, издательская серия, предисловие и положение принимающего участника влияют на новое употребление. Поэтому международный обмен следует изучать через конкретные социальные операции, а не считать его естественным свободным движением смысла [73].

Из этого наблюдения возникает задача, особенно существенная для мировой интеллектуальной истории. Необходимо исследовать не только путь книги, но и изменение её положения. Сочинение, возникшее на периферии одного спора, может стать центральным текстом другого. Критика местного авторитета может быть прочитана как подтверждение нового авторитета за границей. Внешне движение выглядит успешным: появляются переводы, переиздания, цитаты. Однако историк ещё должен установить, какая работа совершается посредством этого успеха и что из исходного вопроса остаётся за его пределами.

Социальное объяснение сильнее всего там, где оно связывает положение участника с доступными действиями. Недостаточно сообщить, что автор принадлежал определённой группе, и вывести из этой принадлежности содержание всех его утверждений. Нужно показать,

как положение влияло на выбор жанра, адресата, места публикации, формы доказательства и возможного ответа. Два человека со сходными ресурсами могут выбрать разные интеллектуальные стратегии. Это различие не опровергает социальную историю; оно требует от неё более точного описания обстоятельств и возможностей.

В российской историографии понятие интеллектуальной культуры получило развёрнутую исследовательскую постановку в работах Лорины Репиной. В программной статье 2011 года она связывает изучение идей с анализом сообществ, коммуникаций, образовательной среды и форм воспроизводства традиции. Традиция при таком подходе включает отбор, изменение и активное восприятие наследия. Масштаб работы может меняться от межличностных отношений к длительным институциональным процессам [67].

Эта постановка позволяет уточнить отношение интеллектуальной истории к истории интеллектуалов. Биография необходима для восстановления последовательности действий, но она не исчерпывает историю вопроса. Один человек может участвовать в нескольких сообществах, а одно сообщество продолжаться после смены всех его членов. Если исследовать только биографии, исчезнет устойчивость практик. Если исследовать только учреждения, исчезнет возможность понять, почему участник нарушил ожидаемую последовательность. Соотнесение этих масштабов даёт материал для объяснения, которое не растворяет ни человека, ни среду.

Сетевая перспектива добавляет к этому вопрос о форме связей. Общение важно не само по себе, а через то, что оно делает доступным: рукопись, задачу, инструмент, покровительство, возражение, аудиторию. Одинаковое число контактов может означать совершенно разное участие в интеллектуальной жизни. Человек, которому присылают готовые результаты, находится в ином положении, чем тот, кто присутствует при выборе исследовательского вопроса. Поэтому карта связей нуждается в содержательной расшифровке. Линия между двумя именами не сообщает, какая мыслительная работа происходила между ними.

Социальная история идей тем самым не устраняет вопрос об аргументе. Она помогает понять, почему определённый аргумент был доступен, кому он представлялся достаточным и как получил продолжение. Но из успешного распространения нельзя непосредственно вывести истинность, как из социальной обусловленности нельзя непосредственно вывести ложность. Историк может объяснить условия признания теории и отдельно исследовать основания её утверждений. Смешение этих задач обедняет обе: социология становится разоблачением, а история знания — защитой избранных результатов от исторического объяснения.

Для исследования мирового масштаба особенно важно удержать эту раздельность. Происхождение понятия в условиях империи не определяет заранее все его последующие употребления. Человек, усвоивший язык господства, может обратить его к требованию, которое этот язык прежде исключал. Обратная возможность также существует: освободительная формула может получить оправдательную функцию. В каждом случае необходим анализ действия и адресата, а социальное происхождение служит началом исследования, но не готовым приговором его результату.

1.4 Книга как участник интеллектуального события

Текст существует в форме, которая направляет работу читателя. Разделение на главы, расположение комментария, указатель, перевод заглавия, размер издания и цена меняют способы обращения с написанным. Рукопись, прочитанная в узком кругу, и тот же текст, включённый в школьную хрестоматию, участвуют в разных действиях. Во втором случае многое из того, что первоначально требовало доказательства, может предстать уже признанным знанием. Материальная история документа поэтому входит в историю его смысла.

Роберт Дарнтон в программной статье 1982 года предложил рассматривать книгу внутри коммуникационного круга, связывающего автора с издателем, изготовлением, распространением и читателями. Эта постановка соединяет интеллектуальные вопросы с экономическими и социальными условиями книжного обращения. Читатель не является только последней точ-

кой движения: ожидания публики и её реакции могут воздействовать на последующее производство текстов [80].

Такой подход полезен прежде всего изменением вопроса к источникам. Тираж, каталог и переписка книготорговца перестают быть второстепенными сведениями вокруг «настоящего» содержания. Они позволяют выяснить, какое содержание вообще могло стать предметом общего обсуждения. Но данные об обращении не равны данным о понимании. Продажа подтверждает передачу экземпляра, запись в библиотеке — наличие, помета — некоторое действие с определённым местом. Каждое свидетельство обладает собственной силой. Если сложить их без различения, распространение книги начнёт автоматически означать распространение её авторского смысла.

Дональд Маккензи во вступлении к «Библиографии и социологии текстов» возвращается к вопросу о границах библиографического знания. Отталкиваясь от определения, которое отделяло изучение материальных знаков от их значения, он обсуждает отношения описания книги с другими дисциплинами [105]. Для интеллектуальной истории это открывает возможность исследовать форму публикации как часть исторического действия. Издательское решение может выделить фразу, изменить соседство текстов, предложить способ цитирования или сделать отдельный фрагмент самостоятельным произведением.

Представим документ, известный в двух публикациях: в одной сохранена переписка целиком, в другой напечатан только ответ одного участника. Даже при буквальной точности второй публикации читатель получает иной предмет. Исчезают вопрос, задержка ответа, уточнения и возможность понять, чему именно возражал автор. Историк, работающий по второй версии, способен построить из частного ответа общее учение. Для предотвращения такой ошибки не требуется угадать скрытые мотивы редактора. Достаточно установить состав издания и вернуть документу утраченные отношения.

В статье, возвращающейся к книге «Порядок книг», Роже Шартье описывает свой интерес к тому, как письменное слово классифицировалось, организовывалось и воспринималось участниками его движения от автора к мастерской и библиотеке. Его исследовательская программа соединяла историю производства текстов с историей их материальных форм и читательских практик [76]. Существенно, что порядок книги и порядок чтения при таком подходе не совпадают автоматически. Устройство публикации предлагает маршрут, но читатель может пользоваться ею иначе.

Отсюда возникает различие между предписанным и засвидетельствованным чтением. Предисловие сообщает, как издатель хотел представить произведение. Учебное правило устанавливает, как следовало его изучать. Однако собственно читательская работа обнаруживается в других следах: выписках, спорах, исправлениях, пересказах, использовании аргумента для новой задачи. Историк не вправе без дополнительных оснований считать назначение книги её совершившимся действием. Вместе с тем отсутствие читательских следов не позволяет уверенно утверждать, что чтения не было.

Материальная перспектива меняет и представление об интеллектуальном времени. Дата сочинения, дата первой публикации, появления перевода и включения в учебную программу обозначают разные события. В одном обществе текст мог давно принадлежать профессиональной дискуссии, тогда как в другом его первое издание воспринималось как новое вмешательство. При синхронном сопоставлении по календарю эти времена легко спутать. История рецепции требует указать, какое именно событие датируется и для какой аудитории оно было новым.

Особая работа совершается в переводном издании. Переводчик выбирает не только слова, но и степень объяснения чужой среды. Он может оставить непривычный термин, предложить приблизительный эквивалент или раскрыть его несколькими словами. Редактор, в свою очередь, помещает перевод в серию, которая заранее предлагает ему дисциплинарное место. Философское сочинение может войти в оборот как политический манифест, литературный

памятник или источник религиозной традиции. Анализ этих решений необходим для понимания того, почему одинаковый набор фраз начинает обслуживать разные вопросы.

История книги возвращает материальную цепь между смыслом и возможностью его прочесть. При этом условия доступа следует соотносить с практикой: дорогой экземпляр, например, мог обслуживать коллективное чтение. Анализ такого употребления связывает устройство издания с интеллектуальным событием.

1.5 Канон и различие масштабов

Литературный обзор не начинается с нейтральной полки, на которой уже расположены все необходимые книги. Любая дисциплина наследует решения о том, какие тексты составляют её прошлое. Эти решения закрепляются в программах, собраниях сочинений, переводах, библиографиях и названиях исследовательских направлений. У канона есть полезная функция: он делает возможным общий разговор. Но тот же отбор способен представить часть исторического опыта как естественную границу мысли вообще. Исследователь должен видеть, когда опирается на канон как на рабочую карту, а когда принимает его за описание всей территории.

Расширение канона меняет и масштаб вопроса. Сборник Сэмюэла Мойна и Эндрю Сартори «Глобальная интеллектуальная история» объединяет разные подходы к обращению идей и представлениям о всемирности [107]. Себастьян Конрад, обсуждая свою книгу о глобальной истории, подчёркивает совместимость этой перспективы с исследованием определённых мест [109]. Для нас существенно следствие этого спора: локальный корпус может обнаружить широкую связь, если установлены её участники и последствия. Подробное обсуждение возможностей мирового масштаба составит предмет третьей главы.

Отсюда следует ограничение и для критики европоцентризма. Исправление состава имён необходимо там, где исключение искажало историю. Однако замена географического центра при сохранении прежней схемы ещё не решает методологической проблемы. Если мир по-прежнему изображается как движение от одного источника к пассивным получателям, меняется лишь название источника. Более существенный вопрос касается распределения интеллектуального действия: кто формулирует задачу, выбирает перевод, изменяет доказательство и определяет последствия усвоения.

Канон можно пересматривать через исследование операций, которые сделали его возможным. Почему определённое сочинение дошло в полном виде, а другое известно по возражениям противника? Почему устная беседа получила запись под именем одного участника? Почему переводчик остался в примечании, хотя именно его выбор сформировал язык последующей дискуссии? Ответы требуют разных источников, но общий результат состоит в возвращении труда, скрытого за привычным именем произведения. Это не обесценивает авторство. Оно делает исторически понятным, как авторство было установлено и какое действие ему приписывалось.

Наряду с масштабом пространства необходимо различать масштаб интеллектуального события. Некоторые изменения обнаруживаются в отдельной фразе, другие — в учебном распорядке, устройстве издательского рынка или порядке допуска к профессии. Изменение учреждения не обязательно немедленно создаёт новую идею. Новая идея не обязательно сразу получает собственное учреждение. Поэтому историк должен связывать уровни через последовательность конкретных действий. Иначе большой контекст начнёт объяснять частный текст только потому, что оба относятся к одной эпохе.

У обзора мировой интеллектуальной истории отсюда появляются две обязанности. Он должен представить разногласия исследователей так, чтобы читатель мог понять основания выбора метода. И он должен показать границы собственного корпуса: какие языки и жанры представлены, какие связи документированы, какие отношения лишь сопоставляются. Выполнение второй обязанности не уменьшает значение исследования. Оно позволяет отличить обоснованный вывод от впечатления, которое создаёт широта географического перечисления.

В этой книге переход между масштабами будет совершаться через опубликованные документы. Отдельное высказывание рассматривается вместе с задачей, для которой оно было создано; затем выясняется, как его употребление менялось в иной среде. Там, где историческая связь не установлена, сохраняется сравнительный вопрос. Такой порядок оставляет место и

большим интеллектуальным традициям, и работе посредника, и ограниченному случаю, который не укладывается в ожидаемую последовательность.

1.6 Что устанавливает критический обзор

Рассмотренные подходы расходятся прежде всего в выборе того, что следует объяснять. История идей выделяет длительную жизнь смысловых элементов. Контекстуальная история выясняет действие высказывания. История понятий исследует изменения языковых различий в их отношении к общественному опыту. Социальная история обращается к положениям и отношениям участников. История книги восстанавливает производство, передачу и употребление материального текста. Эти предметы пересекаются, но не являются разными именами одной задачи.

Однако эти подходы не всегда можно просто сложить. Контекстуальная реконструкция может объяснять выбор слов задачей полемики, тогда как социальная история — стремлением изменить положение автора. Обе версии совместимы, пока указывают на разные стороны действия. Если же они дают разные ответы о причине выбора, перечисление факторов не решает спор: приходится искать свидетельство, которое позволяет предпочесть одно объяснение другому.

Первый рабочий вывод обзора — различать сохранение формулы, изменение адресата и преобразование процедуры обоснования. Эти процессы могут совпасть, но могут идти в разном темпе. Знакомая формула получает новую силу, когда к ней обращается участник, прежде исключённый из её применения. Новый термин иногда сохраняет старое распределение права решать. Изменение способа проверки может перестроить область знания при внешней устойчивости языка. Такое различение будет использовано далее для сопоставления конкретных документов.

Второй вывод касается объяснительной силы связи. Исторически установленный контакт важен, но он не задаёт результата сам по себе. Между встречей и интеллектуальным изменением находятся отбор, перевод, обучение, возражение и повторное употребление. Поэтому объяснение следует строить вокруг операций, которые совершали участники. Это позволяет исследовать и успешное обращение идей, и его прекращение. Отсутствие ожидаемого продолжения становится самостоятельным вопросом, а не пробелом в рассказе о распространении.

Третий вывод относится к положению исследователя. Описывая чужие категории, он пользуется собственным аналитическим языком. Полностью отказаться от него невозможно: тогда исчезнет возможность сравнения. Однако можно сделать его работу проверяемой. Следует указать, какие различия принадлежат источнику, какие введены для анализа и какие основания позволяют переходить между ними. Термин «интеллектуальная история» обозначает современную исследовательскую задачу. Он не предполагает, что все рассматриваемые участники узнавали себя в фигуре современного интеллектуала.

Четвёртый вывод связан с устройством научного аппарата. В исследовании интеллектуальной истории ссылка должна давать возможность восстановить переход от свидетельства к утверждению. Энтони Графтон показал историческую сложность формирования документированной учёности и практики примечаний [94]. Для настоящей работы существенна вытекающая отсюда обязанность различать первичный текст, его позднейшее издание, перевод и исследовательское толкование. Один библиографический номер не должен скрывать подмену одного из этих уровней другим.

Наличие аппарата само по себе не обеспечивает доказательства. Библиография может быть большой, а утверждение оставаться неподтверждённым. Значение имеет точность отношения между ссылкой и предложением. Если доступна только авторская аннотация исследования, по ней можно установить заявленный вопрос и общий тезис, но нельзя реконструировать всю аргументацию. Если читается перевод, вывод о лексическом оттенке оригинала требует отдельной проверки. Если документ дошёл в поздней копии, дата копии и предполагаемая дата

сочинения должны оставаться различимыми. Эти ограничения относятся к конкретным действиям исследователя и потому поддаются контролю.

В последующих главах обзор будет продолжен там, где возникает предметное разногласие. История письменности потребует обсуждения отношения записи к устному знанию; история переводов — различия передачи и перестройки задачи; история деколонизации — вопроса о праве представлять чужой опыт. Такой способ организации позволяет не отделять методологию от исследования непроходимой границей. Метод приобретает значение через то, что помогает увидеть в материале, а материал может потребовать изменить исходное различение.

Предлагаемая концепция поэтому имеет статус сравнительного исследовательского инструмента. Её состоятельность определяется тем, позволяет ли она точнее описать различия случаев и удержать свидетельства, неудобные для общего вывода.

2. Контекст, понятия и практики интерпретации

2.1 Что делает текст и кому принадлежит действие

Черновик политической декларации ещё не обладает силой принятой декларации. Даже если большая часть слов останется на месте, между ними произойдёт событие: высказывание одного составителя станет заявлением органа, говорящего от имени определённого сообщества. Для историка это различие существеннее многих исправлений слога. Содержание можно перенести почти без изменений, тогда как право произнести его и ответственность за произнесённое изменятся. Поэтому чтение начинается не с извлечения готового учения о свободе, государстве или человеке. Сначала нужно установить, какое действие совершает именно этот документ в момент своего появления.

Принстонское издание бумаг Томаса Джефферсона позволяет сопоставить несколько слоёв работы над «Первоначальным черновиком» Декларации независимости. Его редакторы разделяют исходную запись, ранние исправления и работу с членами комитета. В тексте меняются формулировки оснований независимости, названия участников и отдельные обвинения. Принятый Конгрессом документ отличается от авторского проекта; в частности, из него исчезло пространное обвинение британского короля в поддержании торговли порабощёнными людьми. Сам черновик соединял осуждение этой торговли с обвинением короны в побуждении порабощённых к выступлению против колонистов. [45, слои черновика; обвинение в работорговле]

Последнее обстоятельство мешает свести эпизод к простой истории о гуманном авторе, которого заставили отказаться от своего убеждения. Составитель помещает страдания одних людей в доказательство права других на отделение. Одновременно их возможное вооружённое действие появляется как угроза. Историческое чтение должно удержать эту неоднородность, поскольку она содержится в устройстве самого аргумента. Было бы недостаточно выбрать нравственно привлекательную фразу и объявить её истинным смыслом документа, а остальное счесть случайным окружением. Не менее недостаточно вывести из противоречия, что вся аргументация равенства была лишена какого-либо смысла. Обе операции заранее решают вопрос, который требуется исследовать.

Установить действие текста — значит восстановить различие между тем, что он утверждает, чего добивается и на каком основании притязает быть услышанным. Обвинение короля должно сделать разрыв оправданным перед читателями, которые ещё могут его оспаривать. Описание притеснений поэтому работает не так, как позднейшая хроника событий. Оно отбирает факты для решения, выносимого в настоящем. Но полемическое назначение не превращает каждый факт в вымысел. Проверка достоверности рассказанного и проверка того, как рассказанное употреблено, остаются разными задачами. Историк вправе признать сообщение верным и одновременно показать, что его место в рассуждении избирательно.

Здесь полезно различать намерение и замысел действия. Намерение как внутреннее переживание автора доступно лишь косвенно. Замысел действия можно исследовать по обращению, композиции, выбору обвинений, предполагаемому возражению, исправлениям. Эти признаки образуют публично проверяемую последовательность. Если документ обращается к правителю с просьбой, его нельзя без дополнительного обоснования считать обращением к будущему восстанию. Если проситель обосновывает своё требование нормой, которую власть сама признала, перед нами определённая стратегия спора. Её можно описать, не приписывая человеку скрытую веру в принцип, выраженный только ради успеха обращения.

Однако жанр тоже не следует превращать в готовое объяснение. Просьба способна содержать обвинение; посвящение государю — требование, ограничивающее его произвол; учёный комментарий — вмешательство в спор о власти. Название формы задаёт круг ожиданий, с

которыми автор работает. Оно не устанавливает заранее, как он воспользуется этими ожиданиями. Исследователь должен показать место сдвига: где обычная формула получает необычного адресата, где ссылка на признанный авторитет начинает поддерживать вывод, которого этот авторитет прямо не делал, где вежливое подчинение соединяется с новым требованием отчётности.

Такая проверка особенно важна для текстов, созданных совместно. В истории декларации участвуют составитель, комитет, обсуждающее собрание, редакторы публикации, последующие распространители. Слова могут принадлежать одному человеку, решение оставить их — другому, полномочие объявить их от имени сообщества — целому органу. Сведение этой работы к биографии знаменитого автора скрывает один из главных механизмов интеллектуальной истории: превращение частного рассуждения в общую норму. Обратная крайность, при которой автор полностью растворяется в коллективе, также теряет наблюдаемые различия между предложенными вариантами.

Поэтому вопрос об авторстве следует соотносить с конкретным утверждением. Для истории формулировки нужны черновики и почерки; для истории решения — порядок обсуждения и принятия; для истории воздействия — публикации, чтение и ответы. Эти свидетельства не заменяют друг друга. Автограф подтверждает, что фраза записана определённой рукой, но сам по себе не доказывает, кто первым предложил её в разговоре. Подпись под окончательным актом свидетельствует о принятой ответственности, но не делает каждого подписавшегося создателем всех его положений. Различение предотвращает как культ единственного изобретателя, так и необоснованное обезличивание мысли.

Из этого вытекает способ проверки толкования. Предположим, исследователь утверждает, что автор стремился переубедить внешнего читателя. Тогда в документе должны обнаруживаться основания, рассчитанные на такого читателя, а не только команды своим сторонникам. Если же предполагается внутреннее дисциплинирование группы, нужно показать, какие границы допустимого поведения текст устанавливает для неё. Один документ может выполнять обе задачи. Но тогда требуется проследить их соединение, а не перечислить возможные функции. Сильное толкование объясняет определённый выбор слов лучше ближайшей альтернативы и оставляет видимым то место, где доказательств пока недостаточно.

2.2 Понятие между старым порядком и ещё не существующим будущим

История слова и история понятия не совпадают по своему объёму. Одно написание способно сохраняться при смене способов действия, а близкая мысль — выражаться несколькими словами. Из этого не следует, что понятие существует отдельно от языка и лишь выбирает удобную оболочку. Напротив, его приходится восстанавливать через отношения: с чем его противопоставляют, какие различия оно позволяет проводить, кого включает и какие выводы делает возможными. Термин «гражданин», например, сам по себе ещё не сообщает, кто вправе участвовать в управлении, кто защищён законом и кому принадлежит политическая инициатива.

Райнхарт Козеллек показывает это на фрагменте сентябрьского меморандума Гарденберга 1807 года. В одном предложении соседствуют сословия, классы и граждане. Понятия относятся к разным способам организации общества и одновременно участвуют в программе его преобразования. Гражданин здесь обозначает также порядок, который ещё предстоит осуществить; речь нельзя считать простым описанием уже сложившегося равноправия. Козеллек рассматривает напряжение между языком реформы, существующими различиями и направленностью в будущее. [100, с. 73—77]

Важен не сам набор трёх слов, а их взаимное расположение. Если гражданство вводится как основание равного отношения, сословная принадлежность может перестать оправдывать прежнюю привилегию, даже сохраняясь в языке. Если «класс» обозначает новую группировку, он ещё не обязательно означает то, что позднее будет означать в теории общественного конфликта. Переводчик, автоматически заменяющий старое употребление совре-

менным, создаёт ложную определённость. Он заставляет реформатора говорить внутри уже завершённой системы, хотя историческая работа реформатора заключалась как раз в поиске ещё не закреплённого соотношения.

Проверка такого чтения требует двух направлений поиска. Сначала исследуется окружение слова в самом документе: грамматические связи, противопоставления, названные действия, ссылки на прошлое. Затем сопоставляются другие документы, где тот же термин применён к сходной ситуации. Словарь эпохи полезен, но его определение не подменяет употребление. В словаре могут отсутствовать полемическая окраска, административная задача или смысловой эксперимент отдельного автора. Обратное движение также необходимо: найденный необычный случай нельзя сразу объявлять общим значением эпохи. Его исключительность устанавливается лишь на фоне иных случаев.

Здесь возникает трудность масштаба. Небольшая выборка позволяет подробно рассмотреть механизм высказывания, но плохо измеряет его распространённость. Большой корпус помогает увидеть повторяемость, однако частота ещё не говорит, что именно повторяется. Слово может расти в числе упоминаний потому, что его всё чаще отвергают, включают в чужую цитату или употребляют в другом жанре. Поэтому количественное наблюдение нуждается в выборочной проверке контекстов. Для интеллектуальной истории важна не только заметность слова, но и изменение его способности связывать основания и выводы.

Элиас Пальти предлагает различать описание семантических перемен и объяснение того, почему они становятся возможными. В его исследовании немецкой традиции интеллектуальной истории проблема заключается не в простом открытии, что идеи меняются, а в источнике историчности понятийных построений. Он обращает внимание на слои символического выражения, которые не исчерпываются явно сформулированными определениями. Такой поворот заставляет искать трудности внутри языка аргументации, а не только внешнее событие, после которого авторы якобы заменили одни слова другими. [113, с. 194—196]

Из этой постановки следует практический вопрос: какое затруднение прежнее различение перестало разрешать? Если участники продолжают называть людей подданными, но уже требуют от них самостоятельного согласия на общую норму, возникает напряжение между политической ролью и способом её оправдания. Историк не обязан объявлять такую комбинацию логически невозможной. Люди могут долго жить с неполной согласованностью языка. Но он должен установить, кто заметил напряжение, кто попытался его устранить и кому оно позволяло сохранять удобную неопределённость. Тогда изменение понятия становится историей работы с проблемой, а не чередой словарных значений.

В этом отношении особенно показательны промежуточные формулы. Они часто выглядят несовершенными только с точки зрения позднейшей классификации. Для участников же их двусмысленность могла быть условием соглашения. Одни слышали в общем термине сохранение законного порядка, другие — возможность его перестройки. Чтобы установить это, недостаточно указать, что слово многозначно. Нужны разные ответы на него, поправки, объяснения, споры о применении. Только такие следы позволяют перейти от нашей догадки о возможной неоднозначности к истории действительного расхождения читателей.

Сопоставление понятий во времени поэтому требует осторожности к финальным состояниям. Если известен позднейший смысл, легко расположить ранние употребления по степени приближения к нему. Но не осуществившаяся возможность может быть столь же важна для понимания момента, как победившая. В документе о реформе будущее ещё представлено выбором и ожиданием. Превращая его в предысторию готового результата, исследователь удаляет причину, по которой автору вообще потребовалось убеждать. Восстановить эту открытость — значит вернуть слову его практическую нагрузку, а не прославить всякую историческую неопределённость.

Минимальная проверяемая единица здесь — не отдельное слово и не безграничный «дух эпохи», а употребление в определённой связи. Следуя этой связи, можно установить, как прошлое сохраняется внутри нового требования и как будущее начинает действовать до своего осуществления. Такой анализ оставляет возможность сравнения между обществами, поскольку сравнивает работу различий; он не требует заранее считать одинаковыми институты, которые современный перевод обозначил одним словом.

2.3 Перевод и власть устанавливать соответствие

Переводческая трудность обычно обнаруживается как неуверенность в выборе слова. Для историка это только начало. Нужно спросить, кто вправе объявить выбранное соответствие обязательным и что произойдёт, если другая сторона предложит иное. В научном комментарии возможны несколько вариантов; в дипломатическом документе расхождение способно стать вопросом исполнения договора. Поэтому словарное решение и общественное действие перевода следует рассматривать вместе, не смешивая их. Неточный перевод может не иметь больших последствий, тогда как вполне понятное слово может закрепить неравенство сторон.

Тяньцзиньский договор между Великобританией и Цинской империей от 26 июня 1858 года включает две особенно показательные статьи. Статья L устанавливает английский язык официальных сообщений британских дипломатических и консульских представителей китайским властям; китайская версия должна их сопровождать, но при расхождении британское правительство будет считать правильным смысл английского текста. Это правило распространено и на сам договор. Следующая статья запрещает употреблять иероглиф #, переданный в английском тексте как «barbarian», по отношению к британскому правительству и подданным в официальных китайских документах. [41, статьи L—LI]

Чтение этих статей позволяет сделать ограниченный, но твёрдый вывод. Договор не просто передаёт сообщения между двумя языками. Он распределяет полномочия разрешать смысловой спор и устанавливает правило именования одной стороны другой. При этом один фрагмент не позволяет реконструировать все исторические значения иероглифа или доказать, что любой его прежний случай был оскорблением. Для этого потребовался бы иной корпус. Норма запрещённого употребления и словарная история слова — два разных предмета. Их смешение заставило бы принять формулировку дипломатического акта за окончательное филологическое заключение.

В книге Лидии Лю «Столкновение империй» спор о знаке yi и его соотношении с европейскими обозначениями чужого составляет отдельный исследовательский узел. Доступные начальные фрагменты глав показывают постановку вопроса о связи перевода, суверенитета и принудительного переименования. Здесь эта постановка используется для выбора вопроса; конкретное чтение статей L—LI опирается на опубликованный текст договора. Полная реконструкция аргументации Лю не подменяется издательским описанием её монографии. [101, начала глав 2—3]

Методическая ценность примера заключается в возможности разделить несколько доказательств. Статья LI удостоверяет наличие запрета. Статья L показывает, какой текст британская сторона признаёт решающим. Чтобы выяснить, как запрет исполнялся, понадобятся документы последующей практики. Чтобы установить, как его понимали китайские составители, потребуются китайские тексты и история переговоров. Уже полученный результат важен, но он не должен присваивать себе ответы на эти дальнейшие вопросы. Такое разделение не ослабляет анализ: оно указывает, какое свидетельство способно изменить каждый его вывод.

Барбара Кассен связывает непереводимость с продолжающейся работой перевода, а не с закрытостью языка для всякого понимания. В её объяснении трудность возникает между языками и зависит от направления взгляда; это не перечень вещей, которые одной культуре навсегда доступны, а другой недоступны. [74] Для интеллектуальной истории отсюда следует возможность проверять варианты, не требуя от каждого полного совпадения. Перевод может хорошо передавать логическую связь и хуже — социальную окраску; сохранять предмет высказывания и менять положение говорящего. Его качество приходится обсуждать относительно задачи.

Предисловие к английскому «Словарю непереводимостей» даёт редкую возможность увидеть такой труд в самоописании редакторов. При переводе французского труда, уже посвящённого нескольким языкам, возникали новые расхождения. В частности, объяснение немецкого Willkür через французские соответствия не переносилось в английский без изменения: английское «choice» перестраивало именно тот контраст, который разбирала исходная статья. Редакторы также отмечают опасность превращения языковых различий в устойчивые национальные характеры. [69, предисловие, с. xii—xiii]

Здесь проявляется различие между переводом текста и переводом его исследовательской проблемы. Если автор сопоставляет два значения, а в новом языке они обозначаются иначе, буквальная передача каждой фразы способна разрушить основание сопоставления. Переводчику приходится пояснить исходное расхождение, иногда оставив несколько терминов без замены. Иначе читатель получает гладкое изложение доказательства, у которого исчез предмет. Обратная ошибка — сохранить все чужие слова и предположить, что этим смысл уже защищён. Транслитерация удерживает различимость знаков, но не объясняет их отношений.

Поэтому в работе с переводным источником нужны сведения не только об оригинале, но и о конкретной версии. Когда и для кого она создана, была ли полной, через какой промежуточный язык прошла, сопровождалась ли примечаниями? Эти вопросы особенно важны при утверждении влияния. Позднейший автор мог знать произведение через сокращение, предисловие или спор с ним. Тогда его расхождение с оригиналом ещё не доказывает невнимательность: исторически действовал другой доступный текст. Следует сначала установить, что именно было прочитано, и лишь затем оценивать способ понимания.

В мировом сравнении это требует и скромности от самого исследователя. Русское слово, которым в книге объединены разные случаи, служит инструментом объяснения. Оно не удостоверяет, что участники разных обществ уже обладали единым понятием. Такое единство должно быть показано на уровне различий, аргументов и действий. Но из отсутствия точного соответствия также не вытекает невозможность сравнения. Сравнение начинается с обнаруженного несовпадения и выясняет, почему в одном случае вопрос ставится через право, в другом через долг, а в третьем через правильность установленного порядка.

Перевод, таким образом, может стать источником знания о границах собственного языка исследования. Он вынуждает уточнить вопрос до того, как ответ будет найден в чужом материале. Тяньцзиньские статьи показывают ещё и другое: иногда сами участники заранее ограничивают пространство допустимого уточнения. История таких ограничений входит в историю мысли наряду с её удачными переходами между языками.

2.4 Какой именно текст мы читаем

Название произведения часто создаёт иллюзию устойчивого предмета. Кажется, что «Происхождение видов» представляет собой один текст, который можно одинаково цитировать независимо от издания. Но сравнение заключительного абзаца первого английского издания 1859 года и второго, датированного 1860 годом, обнаруживает небольшое добавление. В первом жизнь описана как первоначально вдохнутая в немногие формы или одну; во втором в этом месте прямо назван Творец. Последняя фраза изменилась, хотя рассказ о развёртывании разнообразия форм сохранился. [29, с. 490] [30, с. 490]

Это различие удостоверяет изменение формулировки. Оно ещё не удостоверяет обращение автора в новую веру, отказ от прежней теории или исключительно тактическую уступку публике. Для каждого такого объяснения нужны дополнительные свидетельства. В самом фрагменте можно установить более узкое обстоятельство: изменилось именование первоначального источника жизни, тогда как последующее развитие по законам осталось частью предложения. Историк, сразу превращающий три английских слова в биографический перелом, перескакивает от наблюдаемой правки к недоказанному объяснению её происхождения.

Не следует, однако, обесценивать правку как внешнюю риторику только потому, что она не заменяет весь механизм объяснения. Для определённых читателей именно она могла менять доступный способ согласования научного текста с их убеждениями. Установить такую возможность — не то же самое, что доказать её действительное осуществление. Для истории восприятия потребуются отклики. Работа с версиями позволяет точно сформулировать, что нужно искать: отвечал ли читатель на добавленное именование, заметил ли его, связывал ли с аргументом книги? Вопрос становится проверяемым, когда известен текст, который мог вызвать ответ.

Сопоставление версий требует определить, что считается единицей сравнения. Можно сравнивать отдельное предложение, связанный фрагмент аргумента, состав глав или материальную книгу с предисловиями и указателями. Каждый масштаб выявляет свои изменения. Мелкая правка термина может быть важна для понятийного анализа; новая структура глав — для способа предъявления доказательства; издательское предисловие — для ожиданий читателя. Нельзя признать две версии тождественными лишь потому, что их главный тезис сформулирован одинаково. Но и каждое исправление запятой не является самостоятельным интеллектуальным событием.

Возвращение к черновику Декларации показывает другой тип различия. В редакторских примечаниях Принстонского проекта оговорено, что замена «sacred & undeniable» на «self-evident» записана рукой Джефферсона, хотя предложение этой правки часто связывали с Франклином. Это уточнение отделяет удостоверенный почерк от более широкого вопроса о происхождении совета. [45, примечание к исправлению преамбулы] Методически оно важно именно своей ограниченностью. Там, где изображение позволяет установить руку, нет нужды обращаться к общему образу «рационалиста Франклина» или «поэта Джефферсона» как к доказательству. Но установленная рука не восстанавливает незафиксированный разговор.

Редакторское устройство источника поэтому должно входить в чтение. Квадратные скобки могут обозначать восстановление утраченного текста, курсив — позднейшую вставку, зачёркивание — отклонённый вариант. В удобной электронной транскрипции эти различия иногда исчезают. Тогда современный читатель видит непрерывное предложение там, где рукопись хранит последовательность решений. Проверка правил издания позволяет отличить авторскую неопределённость от неопределённости публикатора. Это особенно существенно, когда вывод строится на одном слове, восстановленном по другой копии.

В рукописной традиции вопрос бывает ещё сложнее: доступная версия может находиться на значительном расстоянии от времени составления. Копирование, перевод, сокращение, объединение фрагментов и изменение атрибуции создают историю текста до того момента, когда он становится источником для нас. Исследователь не должен каждый раз заново выполнять работу текстолога. Он вправе опираться на критическое издание, но обязан понимать, какой результат эта опора предоставляет. Реконструированный текст отличается по статусу от единственного сохранившегося экземпляра, а редакторская гипотеза — от видимой записи.

Из этого не следует, что ранняя версия всегда истиннее позднейшей. Если изучается замысел в момент возникновения, черновик незаменим. Если предметом является публичное вмешательство, решающим может быть опубликованный текст, даже значительно изменённый. Если исследуется влияние, важнее версия, доступная конкретному читателю. Предпочтение первого издания как наиболее «чистого» способно оказаться таким же произвольным, как цитирование последнего без учёта предшествующих. Исторический вопрос определяет выбор источника; привычная редакционная иерархия не должна делать это незаметно за исследователя.

Сравнение версий даёт также возможность проверки отрицательного результата. Если исследователь предполагает, что внешнее событие вызвало изменение тезиса, но последующие издания сохраняют его без существенной правки, первоначальное объяснение нуждается

в пересмотре. Возможно, изменился только адресат; возможно, реакция отразилась в другом произведении; возможно, предполагаемого влияния не было. Сохранение формулы не является пустым местом исследования. Оно ограничивает набор допустимых рассказов о перемене и заставляет различать изменение текста, изменение его употребления и изменение нашего отношения к нему.

2.5 Свидетельство и условия его сохранения

Свидетель говорит из положения, которого исследователь не занимал. Это даёт его рассказу незаменимую ценность, но не делает все значения рассказа прозрачными. Джоан Скотт в статье «Свидетельство опыта» ставит вопрос о том, как исторически формируются категории, через которые люди понимают пережитое. Если считать опыт готовым основанием объяснения, можно незаметно оставить вне истории само различие групп, чью историю мы намерены восстановить. Скотт предлагает исследовать и опыт, и производство позиций, с которых он получает имя. [120, с. 778—780, 797]

Для чтения источника это означает необходимость различать событие, переживание, рассказ о пережитом и наше объяснение рассказа. Различение не утверждает, будто событие исчезает за словами. Человек может точно сообщить, что с ним произошло, и пользоваться для объяснения категориями, чья история ему неизвестна. Он может также оспаривать навязанное ему имя, сохраняя часть языка, которым это имя поддерживалось. Исследователь, объявляющий всякую такую речь простым следствием власти, отказывает свидетелю в самостоятельности. Исследователь, принимающий её за непосредственную запись действительности, теряет возможность понять работу самого свидетеля.

Особенно важен адрес воспоминания. Свидетельство перед судом, семейный рассказ и опубликованные мемуары имеют разные требования к убедительности. От человека могут ждать точной последовательности, нравственного объяснения или истории становления личности. Он не обязательно лжёт, когда строит рассказ иначе для другого слушателя. Но различие версий требует выяснить, что именно изменилось: сообщаемый факт, степень уверенности, причинная связь, оценка участников. Само наличие вариантов ещё не обесценивает источник. Иногда оно позволяет лучше увидеть, как пережитое становилось общественно понятным.

Мишель-Рольф Труйо различает возникновение источников, их собирание в архив, извлечение для повествования и последующее установление исторической значимости. Его четыре момента — аналитическое разделение взаимосвязанных процессов, а не обязательные последовательные ступени. Оно помогает понять, почему различные молчания нельзя исправить одним способом: сохранённое, но не прочитанное свидетельство находится в ином положении, чем запись, которая никогда не была сделана. [126, с. 26—28]

Поэтому отсутствие документа требует вопроса о его ожидаемом месте. Если учреждение регулярно составляло записи определённого рода и ряд сохранился достаточно полно, пробел имеет один смысл. Если сама практика записи неизвестна или коллекция случайна, тот же пробел имеет другой. Формула «в архиве не найдено» ничего не сообщает без указания, что искали, где искали и почему предполагали найти именно там. В настоящей книге не заявляется собственный исчерпывающий архивный поиск; опубликованные исследования используются с учётом того, какую работу с материалом они действительно удостоверяют.

Возможность прочесть документ зависит и от описания коллекции. Имя, под которым его поместили в каталог, может совпадать с категорией учреждения, создавшего запись, а не с самообозначением участника. Поиск лишь по современному названию группы рискует пропустить её следы; поиск лишь по старому административному обозначению — принять это обозначение за естественную общность. Выход состоит в сопоставлении способов именования и функций записи. Тогда каталог рассматривается как необходимый посредник с собственной историей, а не как незаметное окно в прошлое.

Избирательность архива не даёт права заполнять его пробелы любым нравственно убедительным рассказом. Сочувствие определяет важность вопроса, но не восстанавливает потерянную фразу. Можно показать, что порядок учёта почти не оставлял места для определённого опыта, и признать, что содержание этого опыта известно лишь частично. Такой результат

сильнее вымышленной полноты. Он устанавливает механизм ограничения знания и сохраняет различие между голосом участника и речью исследователя от его имени.

При этом один фрагмент способен опровергнуть широкое отрицание. Если утверждается, что определённая группа никогда не ставила вопрос о праве на участие, достоверное обращение с таким требованием уже разрушает категорический тезис. Но оно не доказывает массового распространения требования. Доказательство существования, доказательство типичности и доказательство влияния имеют разную структуру. Уважение к редкому свидетельству выражается в точности этого различения: его не нужно искусственно расширять, чтобы признать исторически значимым.

2.6 От сходства к доказательству связи

В письме Генри Ли от 8 мая 1825 года Джефферсон объяснял, что Декларация не предназначалась для изобретения прежде неизвестных принципов. Она должна была выразить распространённые убеждения в форме, соответствовавшей обстоятельствам. Он перечислял разговоры, письма, печатные сочинения и авторов, среди которых были Аристотель, Цицерон, Локк и Сидней. [44] Это важное свидетельство о позднем самоописании работы; оно не является списком книг, открытых перед составителем в определённый день 1776 года. Временная дистанция и назначение письма входят в его доказательную силу. [2]

Пример позволяет различить несколько утверждений, часто соединяемых словом «влияние». Автор мог знать книгу; принять отдельный довод; использовать её формулировку; спорить с ней; через много лет включить её в собственную интеллектуальную родословную. Каждое отношение оставляет разные следы. Наличие издания в библиотеке подтверждает возможность доступа, но не факт чтения нужного места. Выписка подтверждает внимание к фрагменту, но не согласие с ним. Совпадение формулировки становится сильнее как довод, если она необычна и доступные промежуточные источники проверены. Обычное выражение эпохи требует гораздо большей осторожности.

Датировка создаёт необходимое ограничение. Текст, появившийся позднее, не может объяснить раннюю формулировку через чтение именно этого текста. Но мысль могла циркулировать до публикации, а исследователь — неверно датировать рукопись. Поэтому обнаруженное противоречие не следует устранять воображаемой встречей. Нужно либо найти независимое свидетельство раннего обращения, либо отказаться от установленного направления связи. Предположение о неизвестном посреднике остаётся возможностью, пока не появится основание предпочесть его более простому объяснению.

Сходство может происходить из общего источника, сходной практической задачи или ограниченного набора доступных способов выражения. Прямое заимствование — лишь одна из этих возможностей. Для его обоснования нужно соединить содержательное совпадение с исторически возможным путём передачи и показать, почему альтернативы слабее. Иногда результатом будет не доказанное происхождение, а более узкая связь: два автора участвовали в общем споре, хотя чтение одного другим не установлено. Такой вывод сохраняет исторический смысл сопоставления, не изображая отсутствующую цепочку причин.

Отдельного внимания заслуживает отрицательный случай. Автор мог располагать книгой, обсуждать её и всё же не использовать важное для нас положение. Это не обязательно означает сознательное отвержение: положение могло не относиться к его вопросу. Утверждение об отказе становится сильнее, когда найдено прямое возражение, альтернативное решение или последовательное устранение заимствованного довода. История рецепции включает выбор и невнимание, однако их нельзя восстанавливать одним лишь знанием того, что позднее стало знаменитым. Значимость для нас не задаёт значимость для прежнего читателя.

Сравнение без установленного контакта остаётся законным исследовательским действием, если его задача названа точно. Оно может показать, как разные документы решают сходную проблему обоснования, какие предпосылки используют и кого признают адресатом. При этом общая проблема должна возникнуть из материала, а не быть настолько широкой, чтобы любой текст оказался её примером. Сопоставление декларации и прошения, например, имеет смысл относительно права говорить от имени других; оно гораздо менее определённо, если оба документа объявлены просто проявлениями вечного стремления к свободе.

Проверка должна быть устроена так, чтобы неблагоприятное свидетельство могло изменить вывод. Если найденная разница всегда объясняется «особенностью культуры», а совпадение всегда подтверждает влияние, рассуждение защищено от материала и потому мало что

устанавливает. Содержательное объяснение заранее допускает различающие свидетельства: более раннюю датировку, иной источник выражения, неполученное письмо, перевод, в котором нужного фрагмента нет. Эти обстоятельства способны не только уточнить рассказ, но и разрушить его центральную связь. Именно поэтому их следует искать, а не оставлять будущему оппоненту.

Историческое толкование получает надёжность через такую возможность исправления. Его итогом может стать доказанная связь, вероятное объяснение, установленное различие или отказ от слишком сильного утверждения. Различение формулы, адресата и способа обоснования помогает локализовать результат: слова могли перейти без прежнего авторитета, полномочие говорить — возникнуть при сохранении старого языка, новое доказательство — поддержать давно известный тезис. В последующих главах эти отношения будут исследоваться на историческом материале. Метод нужен здесь для того, чтобы переход от документа к общему выводу оставался видимым читателю.

3. Мировой масштаб и источники исследования

3.1 Мир как масштаб и предмет

Историк может нанести на карту все места, где была напечатана книга, и всё ещё не знать, какой мир она создала для своих читателей. Карта покажет движение экземпляров. Для одного читателя книга могла оказаться учебником, для другого — запрещённым сочинением, для третьего — материалом полемики, в которой содержание отдельных глав почти не имело значения. Даже одинаковый тираж в двух городах не уравнивает их интеллектуального участия. Поэтому мировая история мысли начинается с несовпадения двух пространств: пространства доступности произведения и пространства вопросов, которые с его помощью научились обсуждать. Первое иногда удаётся измерить. Второе приходится восстанавливать по поступкам читателей и по новым произведениям.

В названии сборника Сэмюэла Мойна и Эндрю Сартори «Глобальная интеллектуальная история» глобальность выступает предметом спора. Во вводной главе редакторы различают возможности всемирного сравнения, изучения посредников и исследования самих представлений о целом мире. Можно сопоставить авторов, которые никогда не слышали друг о друге; можно проследить встречу традиций; можно спросить, что определённый автор называл человечеством. Эти занятия требуют разных доказательств. Их объединение под одной обложкой оправдано вопросом, а не предположением о существовании уже готовой общей сцены [106].

Различие видно на мысленном примере. Два автора обосновывают повиновение правителю через заботу о подданных. Без установленной связи между произведениями сравнение обнаружит разные способы связать власть с обязательством. Если же один автор перевёл другого, возникает вопрос, почему он выбрал этот аргумент и как встроил его в собственный спор. Наконец, оба могут обращаться ко «всем людям», имея в виду неодинаковые круги лиц. Здесь предметом станет граница всеобщности. Одни страницы позволяют задать разные вопросы, но ответы не заменяют друг друга.

Себастьян Конрад во введении к «Что такое глобальная история?» связывает востребованность подхода с недостаточностью национальных рамок и с европейским устройством исторической дисциплины. Одновременно он не объявляет глобальную историю высшей формой любого исследования: её продуктивность зависит от задачи [77]. Это существенное ограничение амбиции. Расширять масштаб следует там, где прежний масштаб скрывает причину, участника или необходимую связь. Когда речь идёт о внутреннем расхождении двух редакций одного сочинения, кругосветный фон может лишь отвлечь от объяснения. Когда же привычное понятие возникло в переводе, замыкание анализа в национальной литературе способно убрать из рассказа само событие его возникновения.

Программа связанных историй Санджая Субраманьяма делает следующий шаг. В статье 1997 года он оспаривает такое сравнение раннего Нового времени, при котором заранее выделенные территориальные единицы располагаются в общей схеме преобразований. Его возражение касается устройства сравнения, а не только недостатка южноазиатского материала. Связи между областями Евразии могли участвовать в образовании того, что впоследствии сравнивают как самостоятельные траектории [125]. Если различаемые миры частично созданы взаимодействием, нельзя сначала описать их как завершённые сущности, а затем добавить отдельную главу об обмене. Взаимодействие относится к истории их различия.

Однако у связанной истории есть соблазн, симметричный национальному. Национальный рассказ принимает границу за естественный предел; рассказ о связях способен считать каждую обнаруженную границу временной помехой движению. Между тем закрытая школа, недоступный язык, отказ переводить или ограничение круга посвящённых сами организуют интеллектуальное пространство. По этому поводу полезно предостережение Фредерика Купера: слово «глобализация» часто предполагает и почти планетарный охват, и поступатель-

ное усиление связности, хотя исследовать необходимо также неравномерность и пределы связей [78]. Для истории мысли отсюда вытекает конкретный вопрос: где маршрут действительно менял практику рассуждения, а где заканчивался у двери учреждения?

Интенсивность связи также требует собственного объяснения. Редкая встреча может изменить словарь спора сильнее, чем десятилетия обычного обмена. И наоборот, множество переданных рукописей способно поддерживать уже сложившийся порядок чтения. Историческая значимость маршрута зависит от того, какие возможности он открыл или закрыл, а не от его длины. Когда путь проходит через несколько языков, наиболее важное изменение может произойти на коротком последнем участке: термин, прежде принадлежавший специальной школе, получает политическую аудиторию. Мировой масштаб здесь нужен, чтобы увидеть цепь условий, но объяснение решающего превращения остаётся точным и местным.

Такой подход меняет и положение Европы. Простое уменьшение числа европейских имён сохраняет прежнюю композицию, если остальные авторы всё ещё появляются как предшественники, получатели или противники европейских решений. Смена масштаба состоится тогда, когда вопросы, принесённые другим корпусом, изменят саму сравнительную задачу. Рассматривая наставление, закон и философский спор, можно изучать способы превращения частного суждения в обязательное для других. При этом никакой регион заранее не получает исключительного права определять, какой из этих способов представляет мысль в её наиболее развитой форме.

Перемена масштаба подчинена объяснительной задаче. Мир оказывается одновременно горизонтом историка и меняющейся областью действия исторических людей. Различая эти значения, можно исследовать, как частные миры объявляли себя общими и каким сопротивлением сопровождалось это расширение.

3.2 Универсальное без единственного центра

Универсальность бывает притязанием, правилом рассуждения и результатом распространения. Автор может утверждать равенство всех людей, оставаясь неизвестным за пределами небольшого круга. Правило вывода может применяться к любому допустимому случаю внутри определённой системы, не заключая в себе никакой политической программы. Наконец, формула может получить почти повсеместное хождение благодаря сильным учреждениям, сохраняя спорность своих оснований. Если все три отношения назвать одним словом, победа учреждения начнёт выглядеть доказательством истинности, а ограниченная известность — свидетельством интеллектуальной недостаточности. Историк должен установить, какое именно требование общего предъявляет источник.

Дипеш Чакрабарти предлагает особенно трудную постановку этого вопроса. Во введении к «Провинциализируя Европу» европейская мысль рассматривается как необходимая для понимания политической современности и одновременно недостаточная для опыта внеевропейских обществ. Такие категории, как гражданство и права, дают язык критики колониального господства, хотя само господство противоречило заявленным нормам. Отказ от европейского наследия целиком поэтому лишил бы исследование части его критических средств [75, введение]. Проблема состоит в способности этого языка слышать то, что не укладывается в его собственную историю возникновения.

Для нашей работы из этого следует различение происхождения понятия и его последующей принадлежности. Историческое место разработки не даёт бессрочного права владеть всеми будущими употреблениями. Но и принятие термина новым автором ещё не делает его содержание общим. Представим, что требование равенства используется для пересмотра ранее исключённой категории людей. Прежняя формула может сохраниться дословно, тогда как её практический адресат расширится. В другом случае новая группа получит доступ к обсуждению, но само требование будет истолковано так, чтобы удержать старую иерархию. Эти варианты различаются по устройству аргумента; внешняя картина распространения идеи может быть одинаковой.

Возражение против европоцентризма становится слабее, когда «Европа» превращается в единый мыслящий субъект. Тогда каждому европейскому понятию приписывается одна политическая функция, а всем остальным традициям — противоположная. Внутренние противники господства оказываются на одной стороне с его защитниками лишь по происхождению, тогда как согласие с властью вне Европы заранее читается как выражение самостоятельной культуры. Такая симметрия удобна для полемики, но дорого обходится историческому объяснению: различия между аргументами исчезают раньше, чем начинается их чтение. Критика центра должна позволять увидеть больше разногласий, включая разногласия внутри самого центра.

Здесь вновь важен Купер. Его критика глобализации направлена не против изучения дальних связей, а против понятия, которое слишком быстро связывает разнородные отношения в один процесс. Африканская история в его постановке требует внимания и к давним межрегиональным контактам, и к исторически определённым ограничениям включённости [78]. Применительно к интеллектуальным отношениям это позволяет различать зависимость от общего языка и подчинение одному толкованию. Участники могут пользоваться одинаковым словарём именно потому, что спорят о распределении прав. Общность слов тогда служит условием конфликта, а не признаком его преодоления.

Опасность находится и на другой стороне. Если каждое понятие объявить непроницаемым за пределами породившей его среды, историк получит множество замкнутых культур, между которыми мыслимы только внешние столкновения. Перевод в такой картине будет все-

гда либо насилием, либо утратой подлинности. Но мы тогда заранее исключим возможность, ради которой изучаем интеллектуальные перемещения: человек способен понять чужой аргумент настолько, чтобы изменить собственный. Для признания этой возможности не требуется предполагать тождество всех языков. Достаточно допустить частичную, проверяемую общность вопроса и возможность исправлять неудачные соответствия.

Сравнение предъявляет универсальности более скромное, но продуктивное требование. Оно спрашивает, выдержит ли выбранное историком различение встречу с материалом, для которого первоначально не создавалось. Допустим, категория «публичный спор» хорошо описывает печатную полемику. При обращении к устному наставлению выясняется, что возможность возразить распределена иначе: слушатель присутствует, но не обладает тем же правом на ответ. Можно объявить этот случай отсутствием публичности и закончить анализ. Можно уточнить категорию, различив присутствие, доступ к слову и последствия возражения. Во втором случае новый материал действительно меняет общую исследовательскую речь, вместо того чтобы занимать заранее приготовленную клетку.

Это требование действует и в отношении произведений, которыми исследователь восхищается. Нравственная привлекательность утверждения не делает его историческое содержание очевидным. Слово «человечество» может открывать круг солидарности и одновременно оставлять за его пределами тех, кого автор считает неспособными к разумной жизни. В каждом таком случае предметом становится работа границы. Какие свойства дают человеку право быть адресатом нормы? Кто устанавливает наличие этих свойств? Может ли исключённый оспорить решение на языке самой нормы? Ответы позволяют изучать универсальное как историческую деятельность, не превращая историю в соревнование культур за наиболее раннее произнесение правильных слов.

Таким образом, общий словарь исследования должен допускать изменение после встречи с другим корпусом. Иначе заимствование материала останется односторонним: новые произведения будут лишь иллюстрировать чужую систему вопросов.

3.3 Посредники и несинхронные языки

Переводчик работает между языками, но его решение редко остаётся только языковым. Выбирая слово, он одновременно выбирает круг возможных читателей и способ сделать чужое утверждение приемлемым. Можно объяснить новое через знакомое, сохранив доступность и потеряв существенное различие. Можно оставить непривычный термин, заставив читателя приобрести новую компетенцию. Можно предложить несколько соответствий и тем самым превратить затруднение перевода в предмет обсуждения. В этих случаях посредник управляет не единственным переходом от оригинала к копии, а будущими возможностями пользоваться текстом. Поэтому интеллектуальный маршрут полезно восстанавливать от решений, принятых на его остановках.

Лидия Лю во введении к «Транслингвальной практике» переносит внимание с готовой эквивалентности слов на отношения, в которых эту эквивалентность устанавливают. Встреча языков уже имеет историю; исследователь не располагает чистым национальным словарём, который существовал бы до всех подобных встреч. Вопрос о переводе включает право определять, на чьих условиях соотносятся понятия [102, введение]. Это меняет обычную оценку удачи и ошибки. Соответствие может стать влиятельным, хотя скрывает часть исходных значений; буквальное несоответствие способно оказаться сознательным средством нового рассуждения. Для историка важно объяснить, каким образом выбранный вариант стал рабочим, а не только оценить его с позиции позднейшего словаря.

Разницу можно показать на условном переводе политического термина. Переводчик берёт слово, связанное с общинным собранием, для обозначения учреждения с иным составом и полномочиями. Вначале аналогия помогает читателю представить процедуру. Затем новое употребление возвращается к старому слову: от местного собрания начинают ожидать качеств, прежде с ним не связанных. Получается обратное движение, которое исчезнет, если следить только за прибытием иностранного понятия. Но такой цикл следует устанавливать по последовательности употреблений. Сам факт наличия подходящего старого слова оставляет открытыми несколько возможностей: адаптацию, полемическое переименование, случайное совпадение или сочетание этих процессов.

Шелдон Поллок в начале статьи о космополитическом и местных литературных языках оспаривает привычку считать последние естественными и изначальными. Они также возникали исторически, причём их утверждение могло сменять более широкие способы культурной принадлежности [117, начало статьи]. Этот ход освобождает сравнение от слишком простой пары «глобальное давление — местная подлинность». Литературный язык, который выглядит близким к народу по сравнению с учёным надрегиональным языком, сам может требовать длительного обучения и отбирать допущенных к письму. Расширение географической самостоятельности и расширение социального доступа поэтому составляют разные процессы. История перевода должна наблюдать оба.

Капил Радж ставит сходную проблему в истории науки. Его статья соединяет критику колониальных отношений с изучением конкретного производства знания: взаимодействие навыков, материалов и практик в движении может быть местом создания результата, а не только способом его доставки. При этом Радж критикует как простую модель европейского распространения, так и соперничающие рассказы о цивилизационном первенстве [119]. Такое понимание посредничества позволяет спрашивать, чья работа вошла в итоговую формулировку и под каким именем. Карта с обозначенным центром открытия может скрывать множество мест, где результат получил форму, пригодную для проверки и употребления.

Но метафора движения сама нуждается в сопротивлении материала. Вынужденное перемещение и добровольная поездка могут проходить одним маршрутом; их интеллектуальные

последствия различаются по доступу к выбору темы, языку записи и последующему признанию. Переводчик иногда вправе отказаться от поручения, иногда обязан сделать чужую речь понятной власти. Сведения, добытые в неравных отношениях, могут содержать точные наблюдения, а признание неравенства ещё не объясняет устройство этих наблюдений. Исследование становится содержательным, когда показывает конкретное действие принуждения: что нельзя было спросить, какой ответ требовался, кому было разрешено поправить запись. Здесь география соединяется с распределением полномочий.

Джеймс Секорд в программной постановке статьи «Знание в пути» предлагает рассматривать научную деятельность через коммуникацию, связывая движение, перевод и передачу с преодолением дисциплинарной раздробленности [121]. Для интеллектуальной истории эта перспектива полезна прежде всего тем, что заставляет изучать время доставки. Получив произведение, читатель встречает текст из одной ситуации внутри другой. Спор, на который отвечал автор, мог завершиться, но его аргумент ещё только получает новую аудиторию. Отставание здесь способно оказаться условием изобретательности: новый читатель свободен от части прежних обязательств и одновременно лишён части прежних пояснений.

Несинхронность поэтому относится к устройству контакта, а не к рангу культур. Одни и те же люди могут пользоваться свежей политической терминологией, древним ритуальным текстом и сравнительно недавним техническим руководством. Эти произведения живут в разных ритмах обновления. Общий год чтения соединяет их, не делая одинаково новыми. Посредник иногда сознательно использует такую разницу: обращается к старому авторитету для решения нового вопроса или представляет нововведение как возвращение к забытому основанию. В мировом исследовании следует искать подобные операции со временем. Они показывают, как передача текста создаёт возможность мыслить иначе даже тогда, когда его словесная форма меняется мало.

3.4 Что сохраняет неравный архив

Сохранившаяся библиотека имеет убедительность вещественного присутствия. Сотни томов можно перечислить, сопоставить и разместить на временной шкале; утраченное исполнение рассказа не занимает на такой шкале равного места. Отсюда возникает соблазн считать объём доступного письма мерой интеллектуальной насыщенности общества. Однако сохранение имеет собственную историю. Там, где обучение требовало многократного переписывания, у текста появлялись одни шансы; там, где его продолжение зависело от исполнения и памяти слушателей, — другие. Позднейшее разрушение среды передачи может сделать исчезновение почти полным. Историку достаются результаты этих различающихся процессов, а не равномерно уцелевшие части первоначального целого.

Рут Финнеган в начале «Устной литературы Африки» рассматривает исполнение как условие существования произведения. Произнесение слов, участие аудитории и конкретный случай принадлежат самому произведению; текстовая запись отделяет лишь часть этого события. Одновременно она отвергает представление об африканском словесном искусстве как безличном и примитивном наследии [88, гл. 1]. Для мирового сравнения здесь меняется единица внимания. Если мысль получает форму в исполнении, её нельзя искать только в устойчивой последовательности предложений. Значение имеет также способ, которым рассказчик удерживает или меняет ожидание слушателя: заставляет его предвидеть исход, распознавать противоречие, соглашаться с оценкой или сомневаться в ней.

Это расширение источников не распределяет устность и письменность между континентами. Напечатанная речь может отсылать к публичному выступлению; рукописный комментарий — к объяснению учителя; рассказчик — пользоваться прочитанной книгой. Если «устное» закрепить за Африкой, а «теоретическое» за Европой, расширенный корпус воспроизведёт старое разделение труда: одним людям будет позволено создавать понятия, другим — представлять опыт. Поэтому африканские письменные традиции в этой книге изучаются как самостоятельные способы работы с авторитетом и доводом. Устные формы входят в сравнительный горизонт по характеру своей деятельности, а не в качестве обязательного этнографического дополнения к географическому разделу.

Алессандро Портелли придаёт историческое значение расхождению между событием и его поздним воспоминанием. В рассмотренном им случае ошибочное размещение гибели рабочего Луиджи Трастулли в другой временной ситуации сообщало о том, как участники осмысляли свой опыт; установленная хронология при этом сохраняла силу. Его рассуждение также подчёркивает совместное участие рассказчика и исследователя в возникновении интервью [118]. Этот пример важен для мирового масштаба потому, что доступ к голосам не равен простой прибавке новых сведений. Новый тип источника способен изменить предмет: вместо истории сформулированной доктрины возникает история того, как люди присваивали событиям значение, которое затем становилось основанием действия.

Такой материал обостряет вопрос о времени свидетельства. Поздно записанный рассказ может поддерживать длительную традицию, перерабатывать недавнюю печатную версию или соединять обе линии. Сравнивая его с ранним письменным памятником, мы сопоставляем не только разные способы выражения, но и разные расстояния между созданием, передачей и фиксацией. Устранять эти расстояния ради симметричной таблицы означало бы изготавливать недостающую древность. Однако из поздней даты записи также нельзя автоматически вывести позднее происхождение всего содержания. Продуктивный вывод располагается между этими крайностями: определить, какие связи в передаче установлены, и использовать материал на той временной глубине, которую они позволяют удержать.[3]

Мишель-Рольф Труйо обращает внимание на то, что участники событий начинают создавать рассказ о них прежде, чем на сцену выходит профессиональный историк. Распределение значимого уже действует внутри возникающих свидетельств [126, гл. 1, с. 22—30]. Для мирового сравнения отсюда следует различие между отсутствием записи, отсутствием доступа к существующей записи и отсутствием интереса к доступной записи. Все три положения создают впечатление пустоты, но требуют разных объяснений. Новая находка помогает в первом случае лишь постольку, поскольку что-то уцелело; во втором решающим становится доступ; в третьем меняется вопрос, с которым материал читают.

Можно вообразить два корпуса одинакового размера. Один складывался вокруг учреждения, которое столетиями воспроизводило признанные произведения. Другой собран из случайных остатков нескольких разрушенных коллекций. Из количественного равенства не получится равенства полноты. В первом корпусе повторение позволяет изучать устойчивость обучения, но может скрывать исключённые голоса. Во втором редкость экземпляра иногда отражает случай сохранения, а не редкость чтения. Следовательно, и обилие, и скудость должны быть возвращены к условиям их появления. Особенно опасно использовать современную оцифрованность как замену этой работы: лёгкость поиска делает один корпус видимым раньше другого, хотя историческая значимость может распределяться иначе.

Неравный архив оставляет в книге реальные пустоты. Их нельзя заполнить уверенным рассказом о том, что «должно было существовать», но можно сделать аналитически различимыми. В одних местах мы прослеживаем изменения определённой формулы; в других видим лишь практику её употребления; в третьих располагаем поздним свидетельством о прежнем споре. Такая неодинаковая глубина не разрушает мировую историю, если её выводы сохраняют опору на доступное. Она разрушает только образ мира как ровной поверхности, где каждому обществу можно назначить один и тот же набор показателей. Уважение к отсутствующему состоит здесь в отказе говорить за него и в точном объяснении того, как его отсутствие изменяет наш рассказ.

3.5 Общие даты и различные времена

Граница эпохи незаметно превращается в объяснение. Назвав произведение средневековым, историк иногда уже приписывает ему зависимость от авторитета; назвав современным — самостоятельность суждения. После этого чтение начинает подтверждать значение ярлыка. Между тем общая датировка устанавливает одновременность событий, а название эпохи предполагает характер их связи. Эти операции следует развести. Календарь позволяет сказать, что два автора жили в одном столетии. Чтобы считать их участниками одного интеллектуального преобразования, нужно установить общий вопрос, контакт, сходное изменение практики или другое содержательное основание. Столетие само по себе такого основания не предоставляет.

Иоганнес Фабиан в «Времени и Другом» исследует противоречие антропологического описания: работа с собеседником предполагает разделяемое время общения, тогда как письменный рассказ способен поместить этого же человека в иную, более раннюю стадию человеческой истории. Временная дистанция производится, в частности, типологическими обозначениями, которые превращают наблюдаемое различие в отставание [86, гл. 1]. Для интеллектуальной истории это предостережение имеет точный адрес. Современное историку существование устного предания нельзя использовать как прозрачное окно в собственную доисторическую древность. Участники традиции живут в истории встреч и изменений, даже если их высказывания обращены к предкам.

Из критики Фабиана, однако, не следует, что все участники одной ситуации одинаково понимают её время. Сторонник реформы может описывать настоящее как разрыв, его противник — как нарушение длительного порядка, а третий участник — как восстановление забытого обещания. Их современность состоит в возможности столкнуться по поводу происходящего, а не в общем представлении о ходе истории. Именно поэтому несинхронность языков не нужно превращать в новый синоним культурной отсталости. Она обозначает отношения между разными способами соединить опыт, ожидание и обязательство. Вопрос о том, кто является современником, тем самым отделяется от вопроса, какой образ времени участник считает правильным.

Кэтлин Дэвис и Майкл Пуэтт обсуждают эту трудность на материале самого выражения «средневековый мир». Распространение европейской периодизации на весь земной шар может закрепить её привилегию. Но синхронное сравнение регионов в выбранном временном интервале способно, напротив, разрушить рассказ о единственном движении к европейской современности. Пуэтт показывает, что переназначение начала «модерности» в китайской истории иногда сохраняет прежнюю схему соревнования, меняя лишь дату; в диалоге также рассматривается возможность сравнительного употребления «средневекового» без предзаданного исхода [81, с. 1—6]. Двойственность остаётся принципиальной: отказ от привычного слова ещё не меняет способа объяснять, а его ограниченное использование не обязательно предрешает результат.

Поэтому названия крупных периодов в этой книге служат ориентирами, но их содержание каждый раз определяется изучаемой задачей. Переход к печатному обсуждению, преобразование религиозного образования и новое устройство политического представительства могут не совпадать по времени даже в одном городе. Если объединить их под знаком единого поворота, наиболее заметное событие станет причиной остальных без достаточных оснований. Предпочтительнее спросить, какие изменения действительно соединялись в действиях участников. Напечатание текста может ускорить спор, но новое право возражать зависит ещё и от устройства аудитории. Реформа учреждения может изменить программу обучения, оставив прежними критерии допустимого доказательства. Периодизация должна обнаруживать такие несовпадения, а не прятать их.

Михаэль Вернер и Бенедикт Циммерманн в программе перекрёстной истории обращают внимание на историчность самих единиц и масштабов сравнения. Масштаб относится не только к выбору исследователя: участники действуют на нескольких уровнях, и эти уровни могут образовываться во взаимодействии. Авторы предлагают исследовать пересечения вместе с изменением объектов и исследовательских категорий [130, с. 42—44]. Для нашей задачи это особенно полезно при сравнении школ. Если одна определяется общим местом обучения, а другая — распределённой сетью комментариев, одинаковое название не делает их равно устроенными. Требуется установить, какую функцию мы сопоставляем: подготовку участников, поддержание авторитетного текста, разрешение спора или доступ к должности.

Сравнимость создаётся точностью вопроса, а существенная разница может составить результат. Если требование обосновывать суждение в одном случае расширяет участие, а в другом усиливает власть узкой группы обученных людей, сравнение обнаруживает зависимость результата от устройства допуска. Хронологический ряд книги поэтому прерывается сопоставлениями: последовательность изменений становится видна вместе с пределами объяснения через последовательность. Общая дата помогает установить отношение, сохраняя возможность обнаружить разные времена внутри календарного настоящего.

3.6 Корпус сопоставлений и предел вывода

Представленные споры определяют состав этой книги. Её ранние главы сопоставляют письменное наставление, нормативное высказывание, философский диалог и доказательство. Южно- и восточноазиатские материалы позволяют проверить, как меняется требование убедительности при другом устройстве обучения, авторитета и адресата. Средневековый раздел обращается к арабо-персидским, еврейским, латинским и африканским письменным традициям. Следующие главы исследуют печатную публичность, имперские встречи, расширение и ограничение всеобщих требований, массовую политику и деколонизацию. Цифровая среда рассматривается в конце как изменение доступа к историческому материалу и способов делать выводы из него. Эта последовательность задаёт движение проблем, а не смену народов у единого центра мысли.

Единицей включения служит случай, в котором можно установить отношение между формулировкой, адресатом и способом обоснования. Поэтому закон и философский трактат соседствуют с письмом, декларацией, учебной практикой или описанием устройства знания. Корпус намеренно включает ситуации разного типа: иногда смысл перерабатывают в переводе, иногда прежнюю норму предъявляет новый участник, иногда расширение распространения сопровождается ограничением права возражать. Такое различие позволяет сравнивать объяснения. Если каждый случай демонстрировал бы одно и то же успешное освобождение мысли, общий тезис был бы получен уже самим выбором примеров.

География книги остаётся неравномерной. Особенно заметен вес письменных традиций Евразии и политических текстов Нового времени. Африканские и американские материалы представлены отдельными исследовательскими узлами; история доколониальной Америки, значительная часть Юго-Восточной Азии и Океании не получают сопоставимой глубины. Музыкальные, визуальные и телесные способы интеллектуальной деятельности также не образуют здесь самостоятельных корпусов. Эти пробелы ограничивают область вывода: результаты нельзя превращать в распределение способностей между цивилизациями. В частности, более частое появление письменного спора в одной части книги свидетельствует прежде всего о составе нашего материала.

Работа основана на проблемно ориентированном чтении опубликованных источников, научных изданий, переводов и исследований. Доступность полных текстов, отдельных глав и фрагментов различается; в исследовательском аппарате эти уровни отмечены отдельно. Значительная часть сопоставления выполняется через переводы, поэтому выводы о точном изменении значения опираются на опубликованную филологическую работу там, где самостоятельное языковое сравнение не проведено. Эта зависимость имеет содержательное следствие: между автором прошлого и нашей книгой находится ещё одна история посредничества. Выбранный перевод способен сблизить термины, которые в исходных языках не занимали одинакового места. Поэтому сравнение крупных функций аргумента и утверждение тождества отдельного понятия требуют разной глубины языкового основания.

Какой вывод способен выдержать такой корпус? Он позволяет показать возможность определённого отношения и обстоятельства, при которых оно действовало в рассмотренных случаях. Так, изменение аудитории может преобразовать политическое значение сохранённой формулы. Но из нескольких убедительных разборов нельзя получить частоту этого процесса во всей мировой истории. Более сильное объяснение возникает при сопоставлении с противоположным случаем: аудитория расширилась, однако право применять норму осталось прежним. Тогда историк должен искать дополнительное условие — способ допуска к спору, порядок толкования или устройство власти. Отрицательный случай перестаёт быть помехой красивому

рассказу и помогает выяснить, какую часть результата действительно объясняет предложенное различение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.